

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

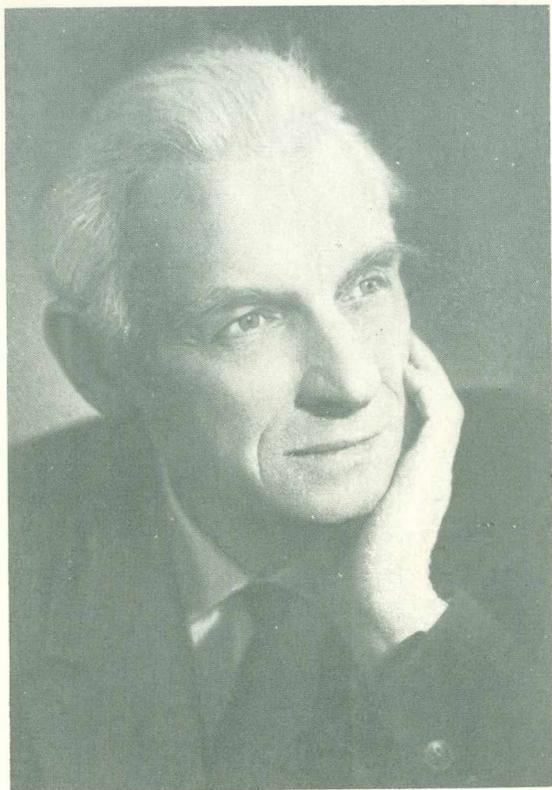
Дорогой
Фаине Зинковиче
Камуковой

с искренней признательностью

Мобилией ее

5. XII. 66

Игорь:

W. J. East.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII в.ек. СБОРНИК 7

Р О Л Ь И З Н А Ч Е Н И Е Л И Т Е Р А Т У Р Ы Х V I I I В Е К А В И С Т О Р И И Р У С С К О Й К У Л Ь Т У Р Ы

к 70-летию со дня рождения
члена-корреспондента АН СССР
П. Н. БЕРКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1966

1-980355

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Б. М. Эйхенбаум. О П. Н. Беркове	3
И. З. Серман (Ленинград). К портрету ученого	5
И. А. Ушакова-Кряжизмская и Н. Д. Кочеткова. (Ленинград). П. Н. Берков как учитель	10
Ф. Вольман (Прага). Взаимоотношения литературы и фольклора в XVIII в. и их роль в развитии русской культуры. <i>Перевод</i> <i>А. М. Панченко</i>	14
Б. Мериджи (Милан). Наблюдения над «Сборником Кириши Дани- лова». <i>Перевод Н. И. Серман</i>	20
Б. Н. Путилов (Ленинград). «Сборник Кириши Данилова» и тради- ции русского фольклоризма XVIII в.	28
В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград). Стихотворные жарты XVIII в. и традиции древнерусской литературы	36
Э. Винтер (Берлин). Феофан Прокопович и начало русского Просве- щения. <i>Перевод Л. В. Славгородской</i>	43
Р. Лужный (Краков). «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии (Первая половина XVIII в.). <i>Перевод Г. Я. Векслер</i>	47
Г. С. Радойничич (Новый Сад). Отражение реформ Петра I в серб- ской письменности XVIII в. <i>Перевод Г. Д. Язича</i>	54
Х. Грасгофф (Берлин). Из истории связей Берлинского общества наук с Россией в 20-х годах XVIII в. <i>Перевод Р. Ю. Дани- левского</i>	59
С. Н. Валк (Ленинград). В. Н. Татищев и начало новой русской исто- рической литературы	66
И. В. Валкина (Ленинград). К вопросу об источниках Татищева Г. И. Бомштейн (Пермь). Ломоносов и национально-историческая тема в русской литературе и искусстве	74
А. Д. Оришин (Львов). О значении «Риторики» Ломоносова	86
Е. С. Кулябко (Ленинград). Неизвестное письмо И. И. Шувалова к М. В. Ломоносову	94
К. Ф. Тарановский (Кэмбридж, Массачузетс). Из истории русского стиха XVIII в. (Одическая строфа АbАb ССdEEd в поэзии Ломоносова)	99
Г. А. Таляшвили, В. С. Шадури (Тбилиси). Ломоносов и грузинская культура	106
И. М. Бадалич (Загреб). Загребские рукописи русских драм XVIII в. В. Е. Гусев (Ленинград). Михайло Попов — поэт-песенник	116
И. Я. Каганов (Харьков). Г. А. Полетика и его книжные интересы. (Из истории книжной культуры XVIII в.)	127
	132
	138

Л. Б. Светлов (Москва). Первое издание русского перевода «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского	145
Л. Г. Бараг (Уфа). О реалистических тенденциях комедии «Бригадир»	150
Б. Г. Рейзов (Ленинград). К вопросу о западных параллелях «Недоросля»	157
В. Б. Эджертон (Блумингтон). Знакомство Фонвизина с Лабланшери в Париже. <i>Перевод И. Б. Комаровой</i>	165
Л. И. Кулакова (Ленинград). Когда написана басня «Лисица-казнодей»?	174
М. Л. Тронская (Ленинград). Герои-комическая поэма М. А. Тюммеля в русском переводе	181
А. Мазон (Париж). Тюрпен и Куракин — литератор и вельможа. <i>Перевод Н. И. Серман</i>	187
А. И. Кузьмин (Москва). К истории переводного плутовского романа в России XVIII в.	194
И. Матль (Грац). Эпоха Просвещения в России и ее отличие от Просвещения в других славянских странах	199
Л. Пачини-Савой (Неаполь). Итальянский дипломат XVIII в. — переводчик «Россиады». <i>Перевод Н. Б. Томашевского</i>	207
Ю. Доланский (Прага). Херасков и Гавличек. <i>Перевод Г. А. Дилич</i>	213
Э. Хексельшнайдер (Лейпциг). Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге. <i>Перевод Р. А. Зерновой</i>	220
Р. О. Якобсон (Кэмбридж, Массачузетс). Разбор тобольских стихов Радищева	228
П. В. Линтур (Ужгород). Державин и литература Закарпатья XIX столетия	237
В. А. Западов (Ленинград). Державин и Муравьев	245
Е. П. Привалова (Ленинград). «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики	254
Л. В. Крестова (Москва). Повесть Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена»	261
У. Леман (Берлин). Н. М. Карамзин и В. фон Вольцоген	267
А. Флакер (Загреб). «Марфа Посадница» Карамзина в хорватской литературе	272
Ю. М. Лотман (Тарту). Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина. (К структуре массового сознания XVIII в.)	280
Ф. З. Канунова (Томск). Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь»)	286
К. В. Пигарев (Москва). Неосуществленный замысел Карамзина	291
С. А. Рейсер (Ленинград). Красный флаг в России	294
М. П. Алексеев (Ленинград). К истории русского вольтерьянства в XIX в.	302
А. Н. Егунов (Ленинград). «Плоды уединения» Н. И. Гнедича	312
А. Н. Соколов (Москва). Из истории «легкой поэзии» (От «Душеньки» к «Катиньке»)	320
А. В. Десницкий (Ленинград). Басня И. А. Крылова «Дикие козы» в связи с традициями русской сатиры XVIII в.	328
Г. Вытженс (Вена). П. А. Вяземский и русская литература XVIII в.	332
А. Менье (Кламар). Русский восемнадцатый век и формирование Пушкина. (Заметки). <i>Перевод Р. А. Зерновой</i>	339
Г. П. Макогоненко (Ленинград). Учение Радищева об активном человеке и Пушкин	345
Б. С. Мейлах (Ленинград). «Державинское» в поэтической системе Н. М. Языкова	353
Г. М. Фридлендер (Ленинград). Гоголь и русская литература XVIII в.	359

Ф. З. КАНУНОВА

ЭВОЛЮЦИЯ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА КАРАМЗИНА

(«Моя исповедь»)

Среди повестей Карамзина начала XIX в. значительный интерес представляет «Моя исповедь» — мало изученное и одно из наиболее спорных произведений Карамзина. Чаще всего она рассматривается как выражение иронического и сатирического отношения к пустой жизни богатого барича и к дворянскому образу воспитания. Так понял повесть еще М. Погодин, считавший, что Карамзин хотел «указать на нашу небрежность в воспитании».¹ Эта точка зрения повторялась и рядом других исследователей Карамзина.

В советском литературоведении «Моей исповеди» до последнего времени не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания. Лишь вышедшие недавно работы Ю. М. Лотмана² и Е. Н. Купреяновой³ признают значительность этой повести, ее важность для понимания «общей эволюции Карамзина». Однако оценивают это произведение противоположным образом.

Ю. М. Лотман, придавая большое значение «Моей исповеди» и считая ее необходимым звеном в творчестве Карамзина, видит в ней четко проявившееся у писателя новое представление о природе человека, как врожденно-эгоистической, злой, неразумной. Это отношение к человеку, свойственное Карамзину, с точки зрения Ю. М. Лотмана, еще с 1789—1794 гг., сейчас приобрело особенно явный и весьма принципиальный для писателя характер: «Моя исповедь», по мнению Ю. М. Лотмана, резко направлена против Руссо, его концепции человека. «Повесть Карамзина на-

¹ М. П. Погодин. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. I. М., 1866, стр. 347.

² Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы 1800—1810-х годов. — Ученые записки ТГУ, вып. 104. Труды по русской и славянской филологии, IV, 1961, стр. 3—57. См. также: Ю. Лотман. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803). — Ученые записки ТГУ, вып. 51. Труды историко-филологич. факульт., Тарту, 1957, стр. 122—162.

³ Е. Н. Купреянова. Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману. — В кн.: История русского романа, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 66—85.

правлена и против „Эмиля“, и против „Исповеди“ Руссо, и — шире — против идей врожденной доброты, а следовательно, внутренней значительности человеческой личности». ⁴ «Моя исповедь», по мнению Ю. М. Лотмана, представляет собою «своеобразный „Антиэмиль“». ⁵ Исследование Ю. М. Лотмана содержит немало глубоких, прекрасно аргументированных положений, касающихся мировоззрения Карамзина, его художественной системы.

Бессспорно прав автор, ставя вопрос об эволюции мировоззрения Карамзина и намечая четкие периоды этой эволюции. Есть у Ю. М. Лотмана много справедливых и тонких замечаний о «Моей исповеди». Конечно, в этом произведении проявилась новая позиция писателя в начале 1800 г., сказалось здесь и стремление пересмотреть в некотором отношении свои собственные убеждения, а заодно переоценить и многие другие ценности. В этом смысле не оставалось у Карамзина неизменным и отношение к Руссо, сыгравшему значительную роль в становлении и развитии эстетики Карамзина. Нужно полагать, что сейчас, в период поправления, автору «Марфы Посадницы» во многом особенно не импонировал демократизм Руссо, наиболее последовательно проявившийся в «Исповеди».

Однако основной тезис Ю. М. Лотмана о «Моей исповеди» как утверждении идеи врожденно-эгоистической природы человека представляется нам весьма спорным. Дает ли произведение Карамзина основания для столь категорического утверждения? Нам представляется, что нет. Можно ли по герою «Моей исповеди» — персонажу явно сатирически отрицательному — говорить обо всем человечестве? Ведь совершенно не случайно герой «Моей исповеди» резко отличается от всех персонажей других произведений Карамзина, написанных не только до, но и после «Моей исповеди». Это — почти единственная сатирическая повесть Карамзина, направленная против безответственного дворянского воспитания, в результате которого попираются элементарные нравственные нормы и затаптывается в грязь высокое назначение человека.

Нам кажется, что «Мою исповедь» нужно рассматривать в ряду многочисленных материалов «Вестника Европы» об образовании, о воспитании гражданского, патриотического долга, об обязанностях дворянина и т. д. «Моя исповедь» опубликована буквально рядом с такими работами Карамзина, как «О любви к отечеству и народной гордости», ⁶ «Благодеяние», ⁷ «О новых благородных училищах, заводимых в России», ⁸ «Странность» ⁹ и др. Здесь особенно рельефно выделяется вопрос о патриотиче-

⁴ Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы, стр. 31—32.

⁵ Там же, стр. 31.

⁶ «Вестник Европы», 1802, ч. I, № 4, стр. 56—69.

⁷ Там же, ч. II, № 1, стр. 52—55.

⁸ Там же, ч. II, № 8, стр. 358—366.

⁹ Там же, ч. I, № 2, стр. 52—57.

ском долге дворянства, об отношении дворян к народу. В условиях новой ситуации в России эти вопросы имели для Карамзина сугубо принципиальное значение. Вполне понятна в этой связи резкая критическая направленность «Моей исповеди» против дворянина, лишенного всех тех понятий и представлений, которые должны, по мнению Карамзина, отличать дворянство, против человека, который жил просто так.

Весьма спорным представляется и утверждение Ю. М. Лотмана, что острей повесть Карамзина направлено против «Эмиля» Руссо. Вряд ли есть у нас основание утверждать, что герой «Моей исповеди» «получает все, что, по системе Руссо, должно было обеспечить ему гармоническое развитие». ¹⁰ Что же получает герой Карамзина из того, что рекомендует Руссо в «Эмиле»? Можно говорить здесь только о внешних, поданных в пародийно-ироническом плане, деталях. А если серьезно соотнести воспитательную программу «Эмиля» с «системой воспитания» господина Менделя, то можно прийти к выводу, что герой повести не получает ничего из того, что предписывалось системой Руссо; наоборот, он воспитывается «от противного». Если Руссо в качестве важнейшего принципа своей системы выставляет труд, утверждая, что «тот, кто продает в праздности не заработанное им самим имущество, крадет его», то герой Карамзина может лишь глумиться над этим. «Я родился сыном богатого, знатного господина ... делал всякие проказы и не был сечен ... в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина ... На шестнадцатом году дали мне изрядный чин и отправили меня в чужие края, не сказав, для чего». ¹¹ Он действительно посещает Лейпцигский университет (деталь, которой Ю. М. Лотман придает большое значение), но ведь он не учится в университете. («Часы лекций казались мне минутой... и не мог их наслушаться, оттого, что никогда не слушал», VII, 174). Не случайно, приехав в Лейпциг, герой пустился в бездумную легкомысленную жизнь, лишенную каких бы то ни было моральных принципов и устоев. Да и сам факт поездки за границу для воспитания — факт «чисто русский», ничего не имеющий общего с системой Руссо. В «Эмиле» об этом убедительно сказано: «Остерегайтесь тех космополитов, которые отправляются в своих книгах далеко на поиски обязанностей, каких не желают исполнять в своей среде». ¹²

Герой «Моей исповеди» N «и в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина» (VII, 173), того главного, что по системе Руссо является целью воспитания. «Есть только

¹⁰ Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы, стр. 33.

¹¹ Н. М. Карамзин. Сочинения, т. VII, Изд. А. Смирдина, СПб., 1834, стр. 172—173. Все ссылки на сочинения Карамзина даются по этому изданию с указанием тома и страницы в самом тексте.

¹² Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании. СПб., 1913, стр. 14.

одна наука, — пишет Руссо в «Эмиле», — которую нужно преподавать детям. Это наука об обязанности человека». «Жить — вот ремесло, которому я хочу его (Эмиля, — Ф. К.) обучить ... он не будет ни судьей, ни солдатом, ни священником, он будет прежде всего человеком».¹³

В «Эмиле» очень много рассуждений о том, каким должен быть преподаватель-воспитатель. «Воспитатель! О какая возвышенная душа!.. поистине, чтобы сделать человека, надо быть самому отцом или более, чем человеком».¹⁴

Первое условие, которому должен удовлетворить воспитатель по Руссо, — «это не быть продажным человеком». «Есть ремесла, настолько благородные, что нельзя выполнять их за деньги ... таково ремесло наставника».¹⁵ Воспитатель N следует прямо противоположному принципу. «Господин Мендель знал, к чему по большей части готовится знатный молодой человек, а всего более знал свои выгоды... Я обнял его и обещал ему такую пенсию, какая не всегда дается и министру за долголетнюю службу» (VII, 173).

Очень остро ставятся в «Эмиле» моральные проблемы. Руссо предлагает целый моральный кодекс для своего воспитанника. В герое «Моей исповеди» полное отсутствие моральных принципов. Наконец, в высшей степени целомудренному роману Эмиля противопоставлена отвратительная шутовская история влюбленностей (и не менее гадкая теория на этот счет).

Таким образом, даже беглое сопоставление этих очень разных произведений показывает, что нет никаких оснований видеть в «Моей исповеди» выпады против воспитательной системы Руссо.

Вряд ли можно согласиться вообще с мыслью о том, что повесть Карамзина направлена против идеи врожденной доброты и внутренней значительности человеческой личности. Напротив, ставя очень остро в «Вестнике Европы» и, в частности, в «Моей исповеди» проблемы воспитания, Карамзин оставался на почве просветительской веры в человека.

В «Моей исповеди» Карамзин поставил и некоторые специально-литературные проблемы. Так, самое начало повести явно направлено против крайнего субъективизма в творчестве. «Ныне люди путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе, ныне всякой сочинитель романа спешит как можно скорее сообщить свой образ мыслей о важных и неважных предметах. Сверх того, сколько выходит книг под титулом: *Мои опыты, Тайный журнал моего сердца!*» (VII, 171—172). Карамзину и раньше, например в «Московском журнале», было свойственно осуждение крайно-

¹³ Там же, стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 25.

¹⁵ Там же.

стей сентиментализма. Так, он явно иронизирует над слащавой ультрасентиментальной литературой, которой увлекался герой «Бедной Лизы» Эраст. Подобная ирония имеет место и в «Юлии», где сделана попытка нарисовать объективную картину жизни светской женщины и где сентиментальность как таковая берется под сомнение.

«Моя исповедь» — следующий шаг в стремлении писателя высвободиться из пут крайнего субъективизма.

Необходимо отметить вместе с тем, что «Моя исповедь» — это ирония писателя и по отношению к некоторым чертам своего собственного творчества (особенно периода «Аглаи»). Теперь Карамзин берет под сомнение такое восприятие мира художником, когда вся окружающая действительность представляется лишь «китайскими тенями» его собственного воображения. Высмеивает Карамзин и чрезмерную растянутость современных ему романов и повестей («они умеют расплодить самое ничто») и отсутствие необходимой психологической мотивировки характера. Смешным и нелепым представляется его герой, который более сорока лет жизни на свете никогда еще не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих и «девизом» которого «было великое слово так». Заслуживает серьезного внимания точка зрения Е. Н. Купреяновой о том, что «Моя исповедь» представляет собою пародию на современный Карамзину нравственно-сатирический роман.¹⁶

Вместе с тем в повести Карамзина решительно осуждаются произведения, в которых отсутствует идеальное начало. Осуждая дидактическое нравоучительство, писатель вместе с тем требует от произведения искусства высокого нравственного смысла. И хотя сам герой повести единично заявляет, что признания его не имеют никакой нравственной цели, всей повестью, всей логикой развития характера это опровергается. Достаточно вспомнить конец «Моей исповеди»: «Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остудил род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в отечестве. Но поверю ли им, видя с другой стороны, как многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов!» (VII, 187). Здесь квинтэссенция нравственной направленности повести Карамзина.

А за всем этим — вера в способности человека быть достойным своего высокого призвания. Карамзин по-прежнему настойчиво подчеркивает огромное значение нравственного, идеального начала в искусстве, которое сейчас писатель видит не в дидактическом нравоучительстве, а в верности изображения характеров, в глубоком раскрытии «внутреннего человека».

¹⁶ Е. Н. Купреянова. Русский роман первой четверти XIX в., стр. 72.